

86. Гудименко И.В. К вопросу о взаимосвязи походов и поселений второй половины III – IV вв. н.э. в дельте Дона // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV-IX вв.). – Симферополь, 1994. – С.14-15.
87. Гудименко И.В., Ильяшенко С.М. Надписи на позднеантичных амфорах поселения Рогожкино XIII // Донская археология. 2000. № 2. – С. 12-28.
88. Николаенко Г.М. Херсонесская округа в I в. до н.э. – IV в. н.э. (по материалам Гераклейского полуострова) // Античные древности Северного Причерноморья. – К., 1988. – С.207-210.
89. Яшаева Т.Ю. Средневековое поселение ближней округи Херсонеса на Гераклейском полуострове // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV-IX вв.). – Симферополь, 1994. – С. 79.
90. Яшаева Т.Ю. Раннесредневековое поселение в предместье Херсона на Гераклейском полуострове // ХСб. 10. – Севастополь, 1999. – С.249.
91. Николаенко Г.М. Херсонесская округа в I в. до н.э. – IV в. н.э. (по материалам Гераклейского полуострова) // Античные древности Северного Причерноморья. – К., 1988. – С.205. [110]
92. Кузищин В.И., Иванчик А.И. «Усадьба Василидов» в окрестностях Херсонеса Таврического // ВДИ. 1998. № 1. – С.211.
93. Там же. – С. 226-229 (рис. 14 на с. 229 – общий план-макет виллы).
94. Там же. – С. 230 (рис. 16 на с. 231).
95. Зубарь В.М. Херсонес Таврический в античную эпоху. – К., 1993. – С. 35.
96. Там же.
97. Там же. – С. 45.
98. Там же. – С. 111.
99. Борисова В.В. Могильник у высоты «Сахарная голова» (по раскопкам и разведкам 1951 и 1953 гг.) // ХСб. 5. – Симферополь, 1959. – С.190.

К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ ПОСТАНТИЧНОГО ГОРОДА В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Н.Н. Болгов (Белгород)

Последний период истории античного Северного Причерноморья в последнее время привлекает все большее внимание. В отношении основных центров античной цивилизации в регионе – Боспора и Херсонеса – уже достаточно долгое время разрабатывается концепция континуитета основных форм материальной и духовной культуры на протяжении конца III – VI вв.¹

Вместе с тем, в рамках данной проблематики необходимо обозначить один из аспектов, нуждающихся в особом осмыслении. Речь идет о постантичных городах² Северного Понта, которые пережили варварский разгром на раннем этапе Великого переселения народов, так или иначе возродились, но уже в несколько ином качестве. Для восточных провинций империи такой феномен, в отличие от западных, весьма редок. Мы можем его постулировать лишь для северной периферии региона.

Первым по времени постановки проблемы из городов Северного Причерноморья попал в данную категорию Танаис, расположенный на далекой периферии боспорского региона (раскопки и публикации Д.Б. Шелова). В последние годы к этому городу добавилась Ольвия. В общий контекст можно вписать и Тиру, которая всегда считалась для III-IV вв. варваризованным городком. Общими чертами для обоих последних городов являются: периферийность, удаленность от Боспора и Херсонеса, [111] варваризация после восстановления, относительная изолированность, политическая и экономическая зависимость скорее от варваров, чем от античных центров.

Основное различие заключается в хронологии. Оба города были разгромлены в III в. Возобновление жизни, однако, происходит асинхронно. Если для Ольвии постантичный период относится к III четверти III – I половине IV в., то для Танаиса это – последняя четверть IV – середина V в.

Впервые период с конца III по третью четверть IV в. как позднеантичный был выделен для Ольвии В.В. Крапивиной³. Однако, В.М. Зубарь восемь лет спустя высказал сомнения в таком определении и предложил считать заключительный период жизни города постантичным⁴.

На основании материалов из закрытых комплексов датой разгрома города В.М. Зубарь считает 260-265 гг.⁵, В.В. Крапивина – 269-270 гг. Следов пожара и гибели населения не прослеживается. Вместе с тем, значительная часть города была разрушена. Население разбежалось по окрестностям, и возвратилось не ранее начала 280-х гг. (монеты Диоклетиана). Часть осталась жить на сельской округе (городище Александровка на р. Ингулец, где открыты каменные стены с круглыми башнями, внутри – регулярная застройка; античная торговая фактория на поселении Каменка-Анчекрак близ Ольвии; Днепровское и Золотомысское городища).

Строительные остатки постантичного периода четко отделяются от более ранних⁶. Они найдены на южной части цитадели (Верхнего города), на участках НГ, НГЦ, НГСс, Берег и в затопленной части города. На центральной возвышенности постантичный слой не зафиксирован⁷.

Застройка велась небольшими отдельно и хаотично расположенными 1-2-камерными постройками. Фрагменты кладок – обрывки наземных стен из бута или очень грубо обработанного камня⁸. Стены выложены небрежно по рядовым, приближающимся к иррегулярным, системам.

Строительные материалы представлены известняком и сырцовыми кирпичами. Кладки выполнены в одной технике. Преобладают прямоугольные помещения с каменными загородками (вероятно, кормушки для скота). Производственно-хозяйственные комплексы [112] сочетались с жилыми помещениями. Всё это характерно скорее для черняховской культуры на широких пространствах Нижнего Побужья, нежели для античного города. Очень важным обстоятельством является частичная перепланировка кварталов и строений. Две металлообрабатывающие мастерские были открыты в центре постантичной цитадели. Ранее производственные комплексы помещались за городом.

В.В. Крапивина прослеживает не менее трех строительных периодов и отмечает определенное сохранение античных традиций в планировке кварталов и домов (прямоугольный характер) и строительной технике зданий при общем ухудшении их качества (например, штукатурка стен). В.М. Зубарь называет это деградацией строительной техники.

На территории постантичного городища открыт комплекс пока неопубликованных погребений. Также обнаружено значительное количество зерновых ям, очагов, печей, загоронок, располагавшихся на месте бывших монументальных зданий. Все это, а также небольшое количество монет, свиде-

тельствуют о натурализации хозяйства. Полностью отсутствуют товарные отрасли – виноделие, рыбозасолка (как в Херсонесе и на Боспоре)⁹.

Террасы конца III – I пол. IV в. раскрыты на участке P-25. Их границы не совпадают с границами террас античного времени.

Керамический комплекс Ольвии сохранял античный характер. Ок. 25% кружальной керамики составляла краснолаковая, сероглиняная – 20%¹⁰.

Видимо, имела место значительная смена населения. По мнению В.М. Зубаря, большинство жителей Ольвии в указанное время составляли выходцы из черняховского населения Северо-Западного Причерноморья, генетически не связанные с населением античного города предшествующего времени¹¹. Бытовые предметы черняховцев: трехручные вазы (выполнены в Ольвии на заказ для готов), костяные гребни, фибулы.

Возрождение жизни в Ольвии хронологически совпадает с расцветом черняховской культуры (причерноморский вариант)¹² и увеличением числа неукрепленных черняховских поселений в Северо-Западном Причерноморье. Для них характерно преобладание каменного домостроительства, ингумации в ямах сложных конструкций. [113] Это – эллинизированные поздние скифы и оседлые сарматы. Для готов, пришедших сюда в сер. III в., были характерны глинобитные и углубленные постройки, трупосожжение. Оба типа памятников известны близ Ольвии.

В самом начале IV в. в Ольвии, возможно, размещался римский гарнизон¹⁴. Аммиан Марцеллин во II пол. IV в. еще упоминает *civitas Borysthenes* (Amm. Marc. XXII.8.40), но это, скорее, дань традиции.

Время гибели сооружений постантичного времени в Ольвии определяется от начала IV в. (Н.А. Лейпунская) до III четверти того же столетия (В.В. Крапивина) и даже до конца IV в. (Б.В. Магомедов). Можно вполне определенно утверждать, что на территории Нижнего города, за оборонительными стенами, в конце III – начале IV вв. продолжали функционировать предместье и припортовая часть поселения¹⁵, которое утратило значение античного города.

После окончательного запустения Ольвии накануне гуннского нашествия на юго-востоке черняховского ареала возрастает роль Ингулецкой группы поселений середины IV – начала V вв., контролировавшей миграционные потоки сармато-алан вдоль старой римской дороги¹⁶.

С 1969 г. исследуется послеготская Тира. Выявлены перестройки и два строительных периода. Закрытый керамический комплекс из «послеготского дома», сооруженного над развалинами римской цитадели, дает четкую дату – II пол. IV в.¹⁷ План застройки полностью отличается от предшествующего. Однако, в строительном деле сохранены античные традиции. Произошла общая рустификация жизни, но полного разрыва экономических связей с римскими провинциями не произошло¹⁸.

Территория от Тире до Ольвии вошла в состав обширной варварской конфедерации и составила в ней отдельную микрозону¹³ с политико-редистрибутивным центром в Тире (ее площадь сильно сократилась и огрангичилась бывшей римской цитаделью). Ольвия при этом предположи-

тельно определяется как крупное ремесленное поселение с хорой в 5-10 км в радиусе.

Танаис стоит особняком в северопонтийском регионе, представляя его самую дальнюю северо-восточную периферию. После разгрома в середине III в. город был восстановлен, по мнению Д.Б. Шелова, не ранее последней четверти IV в., так как иначе какое-то количество поздних боспорских монет должно было бы проникнуть в город, но их нет¹⁹. [114] В 90-е гг. неоднократно указывалось на возможность возрождения города в середине IV в. Вся площадь прежнего города III в. была вновь заселена, ремонтировались руины и строились новые дома²⁰. «Это был город с достаточно плотной жилой застройкой, в какой-то мере повторявшей застройку предыдущего периода, с системой оборонительных сооружений»²¹. Однако, кое-где развалины III в. не были разобраны, а лишь отгорожены стенами от восстановленных жилых кварталов²². В строительстве употреблялись капитальные вымостки из больших каменных плит (остатков каменных мостовых)²³, придающих постройкам гуннского времени известную монументальность.

Характерно появление круглых в плане построек. Присутствие в Танаисе собственно гуннов археологически устанавливается очень слабо. Наличие отдельных гуннских вещей (обломки сложного лука, фибула с двумя пружинками, бронзовая позолоченная обкладка от пряжки с геометрическим штампованным орнаментом) не может служить доказательством присутствия гуннов в составе населения Танаиса.

Частью населения города могли в это время стать носители черняховской культуры - остатки побежденных гуннами готов. Об этом говорит западная ориентация покойников, лепные реберчатые миски, орнаменты лепной керамики. Большинство же населения составляли, видимо, аланы-танаиты - носители позднеантичной боспорской культуры.

В составе населения города имелась значительная сарматская прослойка, как можно судить на основании находки в районе городских ворот 16 сарматских тамгообразных знаков наряду с греческими надписями. Ю.Г. Виноградов отмечал важную социальную роль этой группы населения²⁴.

Можно думать, что в гуннское время Танаис в какой-то мере выполнял функции транзитного центра, через который шел товарообмен Боспора с племенами степей. Но возрождение города совершилось, по мнению Д.Б. Шелова, не в торговых целях. Собственная торговая активность Танаиса в конце IV-V вв. была ничтожной по сравнению с предшествующим периодом²⁵. Вместе с тем, в IV-V вв. Танаис продолжал осуществлять обширные транзитные торговые связи. В город продолжают поступать амфоры, краснолаковая посуда, в меньшей степени стекло. На краснолаковой посуде отсутствуют клейма и кресты, что характерно для II пол. V – VI вв. Почти отсутствует боспорская амфорная тара, однако поступают светлоглиняные с Южного Понта. [115] При раскопках постоянно встречаются обломки серолощенных сосудов, украшенных валиками, налепами и пролощенными полосами²⁶.

В Танаисе после восстановления города в конце IV в., вероятно, были возобновлены в каких-либо формах органы прежнего самоуправления элли-

нов и танаитов. В каких отношениях с Боспорским царством находился город в то время, сказать трудно. Скорее всего, непосредственно в состав государства он уже не входил, т.е. здесь теперь не было царского резидента - пресбевта, но какая-то номинальная форма политических связей должна была оставаться. Большее значение в тот период играли связи экономические (Д.Б. Шелов предостерегает от абсолютизации этих связей и их роли²⁷). Само население города, всегда составлявшее с прилегающими к нему землями единый организм²⁸, в то время должно было заботиться прежде всего о своем хозяйственном положении, не очень задумываясь над политическим статусом города. Судя по отсутствию обломков оконного стекла, в Танаисе было мало общественных зданий.

В центральной части западной оборонительной линии (раскоп VI) по верх развалин сооружений III в. были вскрыты остатки нескольких домов конца IV – начала V вв. и часть улицы. Она, как и более ранняя, подходила к стене с востока и сначала поднималась пологим пандусом, а затем переходила в каменную лестницу, ведущую на развалины стен III в. Среди находок, сделанных здесь, были остатки производства медника²⁹.

На главном центральном раскопе в 1993-1994 гг. проводились исследования помещений IV в.

На раскопе XX в 1994 г. был открыт мощный, в 1,5-2 м слой IV-V вв. Обнаружено одно небольшое помещение, имевшее два строительных периода. Выявлены хозяйственные ямы и очаги³⁰.

На раскопе XIX выявлено, что в середине (?) IV в. здесь был возведен ряд усадеб. Эти помещения отличаются уникальной для Танаиса сохранностью. Прослежено три строительных периода, открыты печи, очаги, хозяйственные ямы, внутренние перегородки³¹.

В юго-западной части городища было исследовано большое помещение IV-V вв., сооруженное на остатках усадьбы предшествующего времени. Расчищено 5 уровней полов³².

Раскопками установлено, что около середины IV в. в районе бывших ворот вновь возникают постройки домов, характерным для Танаиса этого времени способом: [116] устранены прежние завалы до скалы, затем скала была вырублена на 30 см для землянки. Частично раскопано три дома. Большие площади их выходят за пределы раскопа. Три периода стратиграфии: 1) середина IV в.; 2) начало V в.; 3) середина V в. Постройки первого периода представляли собой отремонтированные прежние. Дом А сооружен как новая постройка. В IV-V вв. данный район был местом частных жилых построек³³. Стены домов были построены из камня, извлеченного из слоя III в., в т.ч. с надписями (на 1993 г. - 46 греческих, 16 – сарматские тамги).

На стыке раскопов VI и XIV были открыты постройки IV-V вв., возведенные на месте переулка. В юго-западной части раскопа VI аналогичные постройки появились на месте широтной улицы³⁴.

В IV квартале была застроена территория бывшей усадьбы. Прослеживается два строительных периода. Помещение ДМ было небольшой кладовой

или жилищем, относящимся к последнему строительному периоду. Площадь – 5,5 кв. м.³⁵

В 1975 г. раскопками В.В. Чалого был открыт позднеантичный некрополь Танаиса. Выразительные погребальные комплексы позднего Танаиса культурно-хронологически близки могилам гуннского Боспора, прежде всего Керчи. И там, и там – устойчивый набор инвентаря, составляющего основу «оседлого» боспорского культурного комплекса гуннской эпохи. Отличие Танаиса от столицы состоит в том, что в нем инвентарь – уже и скромнее. Комплексы боспорского круга представляют собой локальную разновидность большой общности неочевнических древностей I пол. V в. Культура рядового оседлого населения I пол. V в. близка культуре IV в. Их элементы иногда сочетаются в комплексах, что заставляет с предельной осторожностью подходить к хронологии.

В дельте Дона близ Танаиса встречаются и одиночные погребения с тем же комплексом материальной культуры³⁶.

Группа погребений 1975 г., находки на территории города, отдельные погребения в округе позволяют включать Танаис гуннского времени в ареал позднебоспорской материальной культуры³⁷.

В городе постантичного времени еще сохранялись определенные традиции античной культуры не только в материальном быту в виде употребления привозных античных изделий, но и в духовной жизни, в частности, в употреблении греческого языка, хотя общая варваризация населения, особенно отчетливо прослеживаемая по характеру построек, совершенно несомненна³⁸.
[117]

На Боспоре можно выделить еще три микрзоны с постантичными образованиями. На европейской стороне таковыми могут считаться районы Нимфея и Илурата. Города здесь исчезли в III в., но на некрополях имеются компактные небольшие группы погребений (Нимфей) и погребения в отдельных склепах (Илурат) IV в. (на Илурате – и I-й пол. V в.). Кроме того, на городище Илурата среди подъемного материала есть отдельные находки керамики IV в. (слой не выделяется). По всей видимости, на развалинах этих городов в течение IV-V вв. появлялись отдельные группы населения (как античные боспорские, так и варварские внешние) и оставляли следы своего пребывания.

Вторая микрзона выделяется на азиатском Боспоре. Это Горгиппия и ее округа; время образования – 2-я пол. III в.

Третья – район Фанагории, Кеп и Гермонассы – с середины VI в. На месте Фанагории и Гермонассы после разгрома возникают достаточно крупные постантичные городки с преобладающим варварским населением (утигуры-протоболгары), усвоившим некоторые элементы позднебоспорской материальной культуры. С VII в. Фаногория станет центром Великой Болгарии – раннегосударственного образования кочевников, а Гермонассе предстоит яркая средневековая история (город Тмутаракань).

Итак, рассмотрев имеющийся материал, мы можем отметить следующее. В Северном Причерноморье возникло три основные микрзоны с городами

постантичного типа. Одна – с Тирой и Ольвией – существовала в конце III – середине IV в. Другая – в устье Дона – в середине IV – середине V вв. Третья выделяется на Боспоре и состоит из трех самостоятельных очагов: европейский Боспор (выражена крайне слабо), район Горгииппии и район Фанагории-Кеп-Гермонассы (наиболее поздняя и четко выраженная). Города первой попали под политическую и военную власть варваров, но сохранили свои городские торгово-ремесленные функции, а частично – и прежнее население. «Процент» античных элементов здесь неуклонно сокращался. Как бы одновременно с гибелью западной микрзоны на востоке региона возникла другая – вокруг Танаиса. В ней сохранилось больше элементов античной культуры. [118] Танаис имел огромное «геополитическое» значение, связывая империю с миром племен Евразии. Его политический статус был неопределенным, напоминая, видимо, позднейшие «вольные города». Третья зона на окраинах (Горгииппия) образуется ранее, в центре же есть как неразвившиеся постантичные центры (Нимфей, Илурат), так и вполне сформировавшиеся (самая поздняя – Фанагория-Гермонасса). В самом последнем случае речь может идти о непосредственном захвате варварами позднебоспорских городов, сопровождавшихся их разрушениями и последующим восстановлением на новой основе.

Феномен постантичного города, характерный для Западной Европы переходной эпохи, должен быть теоретически осмыслен и изучен самым внимательным образом и в регионе Северного Причерноморья.

Примечания

1. Основные работы: Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. – Белгород, 1996; Сазанов А.В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени. – М., 1999.
2. Автор концепции – В.М. Зубарь. А.И. Хворостяный, вслед за В.М. Зубарем, развил тему постантичных раннегосударственных структур на местах или в окрестностях античных центров Северного Причерноморья: Хворостяный О.И. Рецензия на кн.: Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV-V вв.). – Белгород, 1996 // Археология. 2000. № 1. – С.151.
3. Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I-IV вв. н.э. – К., 1993. – С.155-157.
4. Зубарь В.М. О заключительном этапе истории Ольвии (третья четверть III – первая половина IV в.)// ВДИ. 2001. № 1. – С.133-138.
5. Там же. – С.134.
6. Крапивина В.В. Указ. соч. – С.11,14.
7. Крапивина В.В. К вопросу о застройке Ольвии во II-III вв. // Античная культура Северного Причерноморья. – К., 1984. – С.210-212.
8. Лейпунская Н.А. Предместье первых веков н.э. в Нижнем городе Ольвии // Античные древности Северного Причерноморья. – К., 1988. – С.78.
9. Крапивина В.В. Ольвия. – С.157.
10. Там же. – С.125.
11. Зубарь В.М. О заключительном этапе истории Ольвии... – С.137. Противоположное мнение: Магомедов Б.В. Черняховская культура. – К., 1987. – С.15; Крапивина В.В. Ольвия. – С.156. [119]
12. Магомедов Б.В. Ольвия и Черняховская культура// Проблемы исследования Ольвии. – Парутино, 1985. – С.48.
13. Брашинский И.Б. Опыт экономико-географического районирования античного Причерноморья// ВДИ. 1970. № 2. – С.133-137; Зубарь В.М. О заключительном этапе истории Ольвии... – С.138.
14. Буйских С.В. Фортификация Ольвийского государства (первые века н.э.). – К., 1991. – С.140.
15. Лейпунская Н.А. Предместье первых веков н.э... – С.80.
16. Магомедов Б.В. Ингулецкая группа памятников Черняховской культуры // Мир Ольвии. – К., 1996. – С.142.

17. Гудкова А.В., Клейман И.Б., Сон Н.А. Раскопки позднеантичной Тире // Проблемы античной истории и культуры (Эйрене XIV). – Т.2. – Ереван, 1979. – С.286.
18. Павленко Ю.В., Сон Н.О. Пізньюантична Тіра та ранньодержавне об'єднання візиготів // Археологія. 1991. № 2. – С.7-14.
19. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. – М., 1972. – С.327.
20. Там же. – С.328.
21. Там же.
22. Шелов Д.Б. Волго-донские степи в гуннское время // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М., 1978. – С.84.
23. Там же. – С.86.
24. Бёттгер Б., Виноградов Ю.Г. Результаты исследований совместной русско-немецкой археологической группы в Танаисе в 1993 г. // МОБЧМ. – Ростов-на-Дону, 1994. – С.67.
25. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. – С.330.
26. Арсеньева Т.М., Науменко С.А. К вопросу о торговых связях Танаиса // МОБЧМ. – Ростов-на-Дону, 1994. – С.69-70.
27. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. – С.312.
28. Шепко Л.Г. О территориально-административной структуре Боспорского государства в первые века н.э. // Из истории древнего мира и средних веков. – М., 1988. – С.57.
29. Арсеньева Т.М., Шелов Д.Б. Исследования Танаиса в 1966-1969 гг. // КСИА. 130. 1972. – С.95.
30. Арсеньева Т.М., Казакова Л.М., Науменко С.А. Работы Нижне-Донской экспедиции в Танаисе в 1993-1994 гг. // ИАИАИАНД. 14. – Азов, 1997. – С.41.
31. Там же. – С.42.
32. Там же. – С.43.
33. Бёттгер Б., Виноградов Ю.Г. Результаты исследований совместной русско-немецкой археологической группы в Танаисе в 1993 г. – С.65. [120]
34. Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Раскопки Танаиса в 1981-1984 гг. // КСИА. 191. 1987. – С.76.
35. Там же. – С.82.
36. Иванов А.А. Комплекс гуннского времени из дельты Дона // РА. 2001. № 2. – С.119-121.
37. Безуглов С.И. О погребениях V века в Танаисе (по раскопкам В.В. Чалого) // ИАИАИАНД. 11. – Азов, 1993. – С.127.
38. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. – С.329.

К ПРОБЛЕМЕ ВАРВАРИЗАЦИИ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО СЕВЕРНОГО ПОНТА

Н.Н. Болгов (Белгород)

Новейшее определение Великого переселения народов считает его особым периодом исторического развития, когда на значительном историческом пространстве (уже не античность, но еще не средневековье), ограниченном конкретными хронологическими рамками (II-VII вв.) и определенной территорией (Европа, Азия, Африка), взаимодействие варварства и цивилизации достигло своей наиболее интенсивной фазы. Результатом этого взаимодействия, как следствия взаимопроникновения и взаимоуничтожения античного и варварского миров, явилось зарождение нового типа цивилизации¹.

В восточных провинциях империи, превращавшихся в Византию, включая ее периферию (Северное Причерноморье), континуитетные начала в переходный период все же преобладали, что и предопределило весь облик Византии. Таким образом, варваризация вообще, и контакты с варварами в эпоху Великого переселения в Северном Причерноморье в частности, могут рассматриваться как дисконтинуитетные явления, разрушавшие процесс постепенной эволюции традиционных структур.